

Гносеологический статус категорий знания, истины, заблуждения

© Т.Р. Суздалева¹, Н.Н. Губанов^{1,2}

¹МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

²Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, 125993, Россия

Показана необоснованность отождествления знания и истины, которое приводит к невозможности установить гносеологический статус категории заблуждения, поскольку заблуждение — вид знания. По значимости категория заблуждения сравнима с категорией истины, так как заблуждение неизбежно сопровождает научный поиск. На основе объединения принципов научного реализма и конструктивизма разработана непротиворечивая модель соотношения категорий знания, истины, заблуждения. Отмечено, что определение истины как знания, соответствующего действительности, является неточным, так как неявно допускает существование знания, не соответствующего действительности. Но ментальный феномен, не соответствующий какой-либо действительности, не может считаться знанием, например, бред сумасшедшего. Показано, что данные трудности преодолимы, если использовать идуций от Аристотеля и напрасно подвергающийся сейчас забвению принцип отражения как воспроизведения свойств предмета без материи последнего. Отражение — родовое понятие для категории знания, а знание — родовое понятие для категории истины и заблуждения. Отражение бывает материальным (оттиск перстня в примере Аристотеля) и ментальным, или идеальным, т. е. знанием. А знание делится на истину и заблуждение. Доказано, что и истина, и заблуждение соответствуют объекту, но истина — сущности объекта, а заблуждение — только некоторым проявлениям сущности, его видимости, например, геоцентрическая система в астрономии. Дана критика радикального конструктивизма. Показано, что конструктивный характер познания не исключает, а дополняет его отражательную сущность. Принцип конструктивизма может быть продуктивным, только если он соединяется с принципом научного реализма. Установлено, что конструктивизм и на чувственно-эмпирическом, и на рационально-теоретическом уровне заключается в создании моделей, максимально сходных с реальностью, формирование таких моделей характеризуется категорией отражения.

Ключевые слова: знание, истина, заблуждение, отражение, радикальный конструктивизм, конструктивный реализм

Современное общество, как известно, называют обществом знания. Однако категория знания разработана недостаточно. Проблеме выявления сущности истины посвящено огромное число работ, при этом проблема исследования сущности знания изучена недостаточно. Хотя исходная категория теории познания — категория знания,

поскольку является родовой для категорий истины и заблуждения. Однако соотношения между содержанием понятий знания, истины, заблуждения не раскрыты.

В большинстве работ по эпистемологии и философии науки слово «знание» используется без всякого определения, по-видимому, понимаемое как самоочевидное. В некоторых работах приводятся определения, не раскрывающие сущность знания. Так, В.В. Ильин отмечает, что знание — это любая информация, однако что такое информация, автор не разъясняет [1, с. 71]. Очень распространенным в философских работах является отождествление знания и истины. А.Л. Никифоров пишет: «Знание есть то, что выражается обоснованным, общезначимым, интерсубъективным предложением или системой таких предложений» [2, с. 63]. И еще: «Проверенные обоснованные предложения, в которых выражается знание, мы оцениваем как истинные» [2, с. 71]. Приведенное определение, во-первых, относится только к научному знанию, притом истинному, а к заблуждению не относится, во-вторых, в нем не раскрывается сущность знания: не указывается отношение знания к познаваемой реальности. Нельзя подменять вопрос о сущности знания вопросом о его обосновании. Знание подвергается проверке с помощью построения доказательств и эмпирических методов. Никифоров утверждает: «В случае успеха мы свою идею обосновали, а когда нам этого не удастся, мы ее отбрасываем. Таким образом, знание — это результат познания, выраженный проверенным обоснованным предложением» [2, с. 71]. А чем является отброшенная идея, например геоцентрическая система в астрономии, теория теплорода в физике? Она является научным заблуждением как особой формой знания. К сожалению, термина *заблуждение* в приведенной статье Никифорова нет. После изучения его работы складывается впечатление, что заблуждения отсутствуют как в науке, так и в других сферах социума. Как справедливо отмечает Е.Л. Черткова, «если не отождествлять знание и истину, тогда и то знание, которое впоследствии окажется ложным, не потребует своей дисквалификации в качестве знания и отнесения его к мнениям или верованиям. Это, конечно, не отменяет необходимости его критериальной оценки как истинного или ложного, но позволяет не исключать из сферы знания то, что некогда воспринималось и оценивалось как истинное» [3, с. 93].

А.Ю. Антоновский пишет: «В современном рафинированном так называемом стандартном определении знание предстает как *обоснованное, истинное убеждение*. . . За связь знания с реальностью отвечает признак *истинности*, а признак обоснованности отвечает за процедуру его приобретения (не важно, самостоятельное или образовательное)» [4, с. 159]. Отметим, что убеждение — это знание, которое считается

истинным. Если в выражении Антоновского заменить слово *убеждение* его определением, то получится тавтология: *знание предстает как обоснованное истинное знание, которое считается истинным.*

Отождествление знания и истины допускают также Г.Н. Гумницкий и М.Г. Зеленцова: «Знание включает момент убежденности или уверенности, что оно соответствует своему предмету, является подлинным знанием. Поэтому знанию присуща модальность необходимой истинности, аподиктичность... Если модальностью знания является необходимость (признание истинности суждения), то модальностью веры — возможность» [5, с. 65].

Все указанные выше авторы не дают определения истины; если бы это было сделано, то, возможно, они бы отказались от отождествления знания и истины, так как для категории истины необходимо свое определение. Однако приведенную ими трактовку знания, по мнению авторов настоящей статьи, нельзя считать обоснованной. Если знание всегда истинно, то зачем тогда две категории — знание и истина? Понимание знания как истины не подходит к заблуждению, а заблуждение тоже вид знания, хотя обладает низкой степенью объективности. Кстати, никто из критикуемых авторов не дал также определения заблуждения, а это тоже очень важная категория в теории познания. Заблуждение — противоположность истины и распространено во всех сферах бытия. А в науке заблуждений, по видимому, даже больше, чем истин, поскольку выдвигаемых гипотез всегда больше, чем теорий, признанных истинными в ходе когнитивных переговоров ученых.

Принцип отражения и конструктивный реализм. Каким должно быть определение знания, чтобы избежать отождествления знания и истины? Думается, что это возможно, если использовать принцип отражения. В настоящее время принцип отражения многими авторами считается устаревшим и заменяется принципом конструктивизма — активного созидания знания субъектом. Неприятие принципа отражения не отвечает цели науки — воспроизведению действительности в знании, т. е. ее отражению. Конструктивный (активный) характер познания не исключает, а дополняет его отражательную сущность.

Принцип конструктивизма не должен абсолютизироваться. Абсолютизация характерна для представителей так называемого радикального эпистемологического конструктивизма Ф. Варелы, Е. Томпсона, Е. Рош [6], Э. фон Глазарсфельда [7], Х. фон Ферстера [8]. С их точки зрения, которую авторы настоящей статьи считают ошибочной, познание в любых его формах — результат самореференции: то, что субъект принимает за внешнюю среду, объективный мир, реальность, в действительности представляет собой только конструкцию мозга, проецированную вовне. Глазарсфельд и Ферстер

считают Дж. Беркли своим теоретическим предшественником и даже именуют себя эпистемологическими солипсистами.

Принцип конструктивизма, по мнению авторов настоящей статьи, может быть продуктивным, только если он соединяется с принципом научного реализма: признанием существования объективной реальности — внешнего мира, независимого от какого-либо сознания (мирового или человеческого), его принципиальной познаваемости и научного познания как наиболее точного и глубокого, устанавливающего критерии существования не только наблюдаемых, но и ненаблюдаемых объектов. Такой синтез В.А. Лекторский именует конструктивным (деятельностным) реализмом [9]. Принцип такого конструктивизма был четко сформулирован еще Л. Больцманом: «...Задача теории заключается в *конструировании* (курс. авт. — Т.Р., Н.Н.) существующего исключительно в нас *отражения* внешнего мира... Своеобразие человеческого духа заключается именно в том, что он стремится создать себе такое *отражение* и все более и более приспособлять его к внешнему миру... Первоначальная выработка и постоянное усовершенствование этого отображения и является главной задачей теории» [10, с. 54].

Конструктивизм познания, за исключением терминологии, не является философской новизной — в СССР он именовался активностью и социальной обусловленностью познания и был исследован весьма глубоко еще в 1970–1980-х годах, по крайней мере применительно к чувственному познанию [11]. Конструктивизм проявляется в сфере как чувственно-эмпирического, так и теоретического познания. На уровне чувственности конструктивизм заключается в использовании хранящихся в памяти человека перцептивных категорий (объект-гипотез), взаимодействующих с текущими сенсорными данными, а также в перцептивно-предметной деятельности (например, движениях осязающей руки и глаз, добывающих информацию для полноты образа) [12]. На теоретическом уровне конструктивизм заключается в создании моделей изучаемых объектов на основе размышлений, интуиции, воображения. Р. Харре показывает, что научные модели имеют цель — познание реальности: «Уделяя внимание деталям процессов, посредством которых создаются модели, мы можем идентифицировать конструктивистские аспекты научного теоретизирования и то, как мир за пределами непосредственного опыта, предлагаемый в качестве источника этого опыта, может мыслиться и изучаться опосредованно» [13]. И на уровне чувственности, и на рациональном уровне конструктивизм познания должен обеспечивать его максимальную в сложившихся условиях адекватность. Необходимо, чтобы и чувственные, и мысленные образы максимально соответствовали объекту. А соответствие объекту есть его отражение как

воспроизведение его свойств в идеальной (ментальной) форме при непосредственном или опосредованном взаимодействии с субъектом.

Некоторые авторы, не принимающие принцип отражения, видимо, полагают, что он возник в марксистской философии. На самом деле мысль о знании как отражении впервые изложил Аристотель. Чувственное восприятие, являющееся начальным источником знания, он истолковывал как процесс, в ходе которого *воспроизводится* форма предмета, но не его материя [14, с. 73]. Он приводит пример возникновения в воске отпечатка золотой печати, но без наличия золота в этом отпечатке. Познание как психическое отражение тоже является *воспроизведением* свойств предмета, но не в материальной, а в идеальной форме. Положение о воспроизведении в знании объективной действительности стало центральным в научно-реалистической теории познания: познание должно воспроизводить объект, а не создавать какие-то фантазии или чистые конструкции ума, не имеющие отношения к реальности.

Никифоров пишет, что «понятие отражения — важнейшее понятие марксистской гносеологии — так и осталось неясным. Трудно сказать, например, в каком смысле... предложение “Уголь черен” “отражает” черноту угля» [15, с. 134]. Указанное предложение — результат осмысливания восприятия. Оно отражает только тот факт, что у всех людей с биологической нормой цветового восприятия (без зрительных аномалий — дальтонизма и др.) уголь воспринимается с модальностью «черное». Эта модальность служит знаком физических свойств угля, но не образом. Только наивные реалисты полагали, что чернота или другая зрительная модальность (красное, зеленое и прочее) существуют объективно. Чувственное отражение (ощущение и восприятие) не характеризует физическую природу объектов, эта природа определяется *только физическими теориями*, в частности, модальность «черное» соответствует объектам с определенными особенностями поглощения и излучения электромагнитных волн. Модальность «красное», например, соответствует иным особенностям, в частности, излучению волн длиной 700 нм, модальность «зеленое» — излучению 510 нм, «синее» — волнам 475 нм. Модальность «кислое» соответствует наличию в растворе свободных ионов водорода, модальность «горькое» возникает под действием молекул, образующих дисперсионные связи. Все цветовые и иные чувственные модальности (их неудачно называли вторичными качествами) — *ментальные знаки*, природу денотатов которых раскрывают физика и химия. Из модальностей в ходе активной перцептивно-предметной деятельности создаются (конструируются) восприятия, имеющие образное содержание и знаковую форму. Восприятия, локализованные в головном мозге, психически проецируются на воспринимаемые

объекты, и возникает наивно-реалистическая иллюзия, что чернота, краснота, сладость, горькость и другие модальности присущи самим объектам [16]. Таким образом, пример Никифорова ничуть не опровергает положение об отражательной сущности знания.

Согласно В.Н. Порусу, «философское рассмотрение проблемы знания нуждается в таких средствах, которые позволили бы избежать назойливых логических кругов, и теория “отражения” в виде теории “сходства” не удовлетворяет этому требованию» [17, с. 79]. Непонятно, почему автор берет слово *сходство* в кавычки, ведь сходство, подобие, соответствие реальности, воспроизведение реальности в идеальной (ментальной) форме с определенной точностью и полнотой — характеристики знания именно как отражения реальности. Без сходства с реальностью нет никакого знания. Чувственное познание — это аналоговое моделирование действительности, а рациональное познание — дискретное моделирование. В любом случае это воспроизведение действительности. Понятно, что модель никогда не обладает полным подобием с реальностью. Но почему Порус вообще против сходства знания с реальностью? Именно принцип отражения позволяет избежать показанных им *логических кругов* и дать ясное представление о соотношении знания, истины и заблуждения.

Неприятие принципа отражения обусловлено, как представляется авторам настоящей статьи, еще одним обстоятельством. Многие философы, античные и современные, утверждали, что человеку даны только его восприятия и мысли, и он не может знать, каков объект сам по себе, вне человека. Поэтому никак нельзя сравнить знание с объектом и обнаружить их сходство, постулируемое принципом отражения. Д. Юм еще утверждал, что отмеченное обстоятельство ставит под сомнение само существование объектов, быть может, их и нет, поскольку субъекту они не даны. Да, на самом деле человеку непосредственно дано лишь содержание его сознания. Но действительно ли образ, чувственный или мысленный, нельзя сравнить с объектом? Эта многовековая проблема до сих пор не имеет удовлетворительного решения. Предложим одно из возможных ее решений.

Приведенный аргумент не опровергает принцип отражения, т. е. соответствия знания объекту. Агностики и скептики не учитывали то, что человек для проверки знания имеет *косвенный способ*, который заключается в *сравнении двух образов* (ментальных моделей) — образа возможных следствий из имеющегося знания, полученных логическим путем, и образа реальных воспринятых явлений. При их совпадении лежащее в основе предсказания знание признается соответствующим объекту. Приведем известный из истории науки пример. Астроном П. Ловелл на основе зафиксированных возмущений в движении Урана сделал вывод о наличии девятой планеты, которая своим

притяжением влияет на орбиту Урана. Он указал район ее возможного нахождения. Затем астроном К. Томбо обнаружил эту планету и дал ей название Плутона. Отмеченный факт показывает, что Томбо обладал знанием, соответствующим астрономической реальности, следовательно, сама реальность также существует. Поэтому сомнение Д. Юма в объективном существовании реальности не обоснованно.

Главный критерий объективности знания — опытная проверка, состоящая в сравнении *ментальной модели* ожидаемых результатов с *ментальной моделью* (восприятием) реальных результатов. Никаким другим способом проверки люди не обладают, и это соответствует природе познавательного процесса. Ученые работают, несмотря на доводы противников концепции корреспонденции о неспособности человека сопоставить свои знания с реальностью. Они успешно применяют описанный в статье косвенный метод и производят все новые и новые замечательные открытия.

Изложенное позволяет сделать вывод, что знание есть отражение бытия (объективной и субъективной реальности) в идеальной (ментальной) форме — в виде представлений, понятий, суждений, теорий. А отражение вслед за Аристотелем понимается как воспроизведение характеристик одного объекта в другом в ходе их взаимодействия. Понятие *отражение* имеет больший объем в сравнении с понятием *знание*. Знание — вид отражения, оно идеально, т. е. существует только в психической форме и не обладает физико-химическими свойствами, которыми обладают материальные предметы. Существует еще материальное отражение, например фотография.

Истина и заблуждение. Всякое знание обладает соответствием со своим объектом, в противном случае это было бы уже не знание. Однако соответствие бывает двух видов. Первый вид — соответствие сущности. Это истинное, или адекватное, знание (от лат. *adequatus* — *вполне соответствующий* [18, с. 21], обращаем внимание на слово *вполне*). Второй вид — соответствие определенным проявлениям сущности, но не ей самой. Это заблуждение, или неадекватное знание, которое субъект может принимать за истинное.

Е.Н. Яркова отмечает: «Истину следует отличать от заблуждения, которое есть знание, не соответствующее реальности, но принимаемое за истинное» [19, с. 81]. И подобные определения заблуждения встречаются у многих авторов. Казалось бы, определение правильное. Однако возникает вопрос: разве можно считать знанием то, что не соответствует реальности? К сожалению, Яркова, подобно другим авторам, рассматривавшим эту проблему, не дает определения знания. Бред сумасшедшего или стопроцентную ложь, естественно, нельзя считать знанием, поскольку они не соответствуют никакой реальности. Поэтому необходимо следующее уточнение: заблуждение — знание, не соответствующее сущности объекта, а не вообще объекту.

Например, геоцентрическая концепция Птолемея — Аристотеля являлась в целом заблуждением, в ней ошибочно принималось вращение планет вокруг Земли, тогда как они вращаются вокруг Солнца. Но объективный момент этой концепции — признание движения небесных тел относительно друг друга. Также данная концепция верно описывала расположение небесных тел, хотя неверно это объясняла. Научными заблуждениями оказались положения о возможности доказательства пятого постулата Евклида, создания вечного двигателя, учение о теплороде (субстанции теплоты), флогистоне (огненной субстанции, входящей в состав всех горючих веществ), представление об электро́не как частице, движущейся по круговой орбите вокруг ядра. Все указанные заблуждения являются видами знания, но не адекватного, хотя содержат некоторые объективные моменты. Если изучить историю науки, то можно убедиться, что постижение истины вначале включало в себя заблуждения, и обнаруженная истина, не иначе как относительная, включала в себя элементы заблуждений. Последние, создавая проблемные ситуации, нередко служили отправным пунктом для научного открытия. Например, заблуждение в том, что электрон движется по классической орбите вокруг ядра, позволило сформулировать ряд проблем, решение которых привело к появлению квантовой механики. А попытки создать вечный двигатель сыграли важную роль в открытии закона сохранения энергии [20]. Конечно, познавательное значение имели не все заблуждения. Виталистические и эзотерические заблуждения не способствовали развитию науки.

Неточным является очень распространенное определение истины как знания, соответствующего действительности. Оно неявно допускает существование знания, не соответствующего действительности. Но ментальный феномен, не соответствующий какой-либо действительности, как уже отмечалось, не может считаться знанием. И истина, и заблуждение соответствуют объекту, но у них разное соответствие — либо сущности объекта, либо его некоторым проявлениям. По мнению авторов настоящей статьи, сущность истины раскрывает только концепция корреспонденции с приведенным выше уточнением, поскольку лишь она фиксирует адекватное соответствие знания познаваемой действительности. Другие учения (концепции когеренции, прагматизма, конвенционализма, консенсуализма, интуитивизма), имея разную степень объективности, описывают системность истинного знания, способы его доказательства, его полезность, условия достижения учеными относительного консенсуса в процессе когнитивных переговоров, роль психологических факторов в познании. Авторы настоящей статьи полагают, что на базе корреспондентской концепции возможно создание единой теории истины в результате синтеза рациональных моментов других учений.

Адекватным знанием авторы настоящей статьи считают науку и реалистическое искусство, неадекватным — религию, мифологию и лженауку. Полностью адекватным (на сто процентов) истинное знание не бывает, оно неизбежно содержит в себе элементы заблуждения. Например, гелиоцентрическая система Н. Коперника была относительной истиной, но она содержала в себе элементы заблуждения — положения о круговых орбитах планет и наличии твердой сферы вокруг Солнечной системы. Как известно, И. Кеплер впоследствии показал, что орбиты имеют форму эллипса. А Т. Браге опроверг положение о существовании твердой сферы. Он наблюдал движение кометы и установил, что при наличии твердой сферы комета не могла бы двигаться по установленной им орбите.

Черткова отмечает, «что хотя истина является неотъемлемой характеристикой знания, все же не следует отождествлять эти понятия, ибо по своему объему они являются пересекающимися, но не тождественными» [3, с. 93]. Выражая солидарность с Чертковой в вопросе о том, что понятия «знание» и «истина» нетождественны, уточним следующий момент: у них отношение целого и части, а не пересечения. Если обратиться к кругам Эйлера, то знание можно изобразить большим кругом, а истину — малым кругом, полностью помещенным внутри большого.

Таким образом, исходным для анализа эпистемологических категорий авторы настоящей статьи считают категорию отражения. Отражение включает в себя два класса — знание (ментальное отражение) и материальное отражение. А знание также делится на два класса — истину и заблуждение. *Адекватность* и *объективность* — категории нетождественные. Адекватность — соответствие знания сущности объекта, главному в нем, определяющему. Объективность, т. е. зависимость от объекта, заключается в том, что знание соответствует объекту в чем-либо, не обязательно в сущности. Заблуждение соответствует лишь некоторым проявлениям сущности, но не ей самой. Адекватность — свойство только истинного (достоверного, правильного) знания, а объективность — свойство всякого знания, в том числе заблуждения. Истинность — высшая форма объективности. Любое знание так или иначе обосновано. Научное знание имеет сильное обоснование (но не окончательное и не абсолютное), обыденное — слабое обоснование, заблуждение — совсем слабое обоснование, но оно есть, иначе бы это знание не возникло.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Ильин В.В. *Теория познания. Введение. Общие проблемы*. Москва, Либроком, 2012, 168 с.
- [2] Никифоров А.Л. Анализ понятия «знание»: подходы и проблемы. *Эпистемология и философия науки*, 2009, т. 21, № 3, с. 61–73.

- [3] Черткова Е.Л. Тождественные ли понятия «знание» и истина? *Эпистемология и философия науки*, 2009, т. 21, № 3, с. 92–94.
- [4] Антоновский А.Ю. Наука как общественная подсистема. *Вопросы философии*, 2017, № 7, с. 158–171.
- [5] Гумницкий Г.Н., Зеленцова М.Г. Мораль и религия. *Философия и общество*, 2012, № 1, с. 55–73.
- [6] Varela F., Thompson E., Rosch E. *The embodied mind: Cognitive science and human experience*. Cambridge, The MIT Press, 1991, 344 p.
- [7] Glaserfeld von Ernst. The radical constructivist view of science. *Foundations of Science, special issue on “The Impact of Radical Constructivism on Science”*, 2001, vol. 6, no. 1–3, pp. 31–43.
- [8] Foerster von Heinz. *Understanding Understanding: Essays on Cybernetics and Cognition*. New York, Berlin, London, Springer, 2007, 362 p.
- [9] Лекторский В.А. Познание, действие, реальность. *Вопросы философии*, 2017, № 9, с. 5–23.
- [10] Больцман Л. *Статьи и речи*. Москва, Наука, 1970, 408 с.
- [11] Губанов Н.И. *Чувственное отражение: анализ проблем в свете современной науки*. Москва, Мысль, 1986, 239 с.
- [12] Губанов Н.И. К проблеме активности и социальной обусловленности чувственного отражения. *Вопросы философии*, 1984, № 2, с. 60–69.
- [13] Харре Р. Конструктивизм и реализм. В кн.: В.А. Лекторский, ред. *Перспективы реализма в современной философии*. Москва, Канон+, 2017, с. 136–147.
- [14] Аристотель. *О душе*. Перевод П.С. Попова. Москва, Государственное социально-экономическое издательство, 1937, 196 с.
- [15] Никифоров А.Л. Знание. *Эпистемология и философия науки*, 2004, т. 1, № 1, с. 132–135.
- [16] Губанов Н.И., Губанов Н.Н. Субъективная реальность и пространство. *Вопросы философии*, 2015, № 3, с. 45–54.
- [17] Порус В.Н. Теория «сходства» против «лингвистического поворота», или Блуждание в Хэмптон-Кортсом лабиринте. *Эпистемология и философия науки*, 2009, т. 21, № 3, с. 77–80.
- [18] Адекватный. *Современный словарь иностранных слов*. Москва, Русский язык, 1993, с. 21.
- [19] Яркова Е.Н. *История и методология науки*. Тюмень, Издательство Тюменского государственного университета, 2007, 320 с.
- [20] Чудинов Э.М. *Диалектика научного познания и проблема истины*. Москва, Знание, 1979, 64 с.

Статья поступила в редакцию 03.10.2025

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Суздалева Т.Р., Губанов Н.Н. Гносеологический статус категорий знания, истины, заблуждения. *Гуманитарный вестник*, 2025, вып. 5. EDN GKIAKN

Суздалева Татьяна Романовна — канд. истор. наук, доцент кафедры «История» МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: syzdalev@list.ru

Губанов Николай Николаевич — д-р филос. наук, профессор кафедры «Философия» МГТУ им. Н.Э. Баумана; профессор кафедры гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. e-mail: gubanovnn@mail.ru

Epistemological Status of the Categories of Knowledge, Truth, and Error

© T.R. Suzdaleva¹, N.N. Gubanov^{1,2}

¹ Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

² Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, 125993, Russia

The paper demonstrates the untenability of identifying knowledge with truth, which makes it impossible to establish the epistemological status of the category of error, since error is a type of knowledge. In significance, the category of error is comparable to the category of truth, as error inevitably accompanies scientific inquiry. Based on the combination of the principles of scientific realism and constructivism, a non-contradictory model of the relationship among the categories of knowledge, truth, and error is developed. It is noted that defining truth as knowledge corresponding to reality is inaccurate, as it implicitly allows for the existence of knowledge that does not correspond to reality. However, a mental phenomenon that does not correspond to any reality cannot be considered knowledge, e.g., a madman's delusion. These difficulties can be overcome by using the Aristotelian principle of reflection (mirroring the properties of an object without the matter of the object), which is currently unjustly forgotten. Reflection is a generic concept for the category of knowledge, while knowledge is the generic concept for the categories of truth and error. Reflection can be material (e.g., the imprint of a signet ring in Aristotle's example) or mental/ideal, i.e., knowledge. Knowledge is divided into truth and error. It is shown that both truth and error correspond to an object: truth corresponds to the essence of the object, while error corresponds only to certain appearances of the essence, i.e., its visibility, e.g., the geocentric system in astronomy. Radical constructivism is critically examined. It is argued that the constructive nature of cognition does not exclude but complements its reflective essence. The principle of constructivism can be productive only when combined with the principle of scientific realism. Constructivism, both at the sensory-empirical and rational-theoretical levels, involves creating models that most closely resemble reality; the formation of such models is characterized by the category of reflection.

Keywords: *knowledge, truth, error, reflection, radical constructivism, constructive realism*

REFERENCES

- [1] Il'yin V.V. *Teoriya poznaniya. Vvedenie. Obschie problemy* [Theory of knowledge. Introduction. General problems]. Moscow, Librokom Publ., 2012, 168 p.
- [2] Nikiforov A.L. Analiz ponyatiya «znanie»: podkhody i problemy [An analysis of the concept of "knowledge": approaches and problems]. *Epistemologiya i filosofiya nauki (Epistemology & Philosophy of Science)*, 2009, vol. 21, no. 3, pp. 61–73.
- [3] Chertkova E.L. Tozhdestvennyye li ponyatiya «znanie» i «istina»? [Are the concepts of "knowledge" and "truth" identical?]. *Epistemologiya i filosofiya nauki (Epistemology & Philosophy of Science)*, 2009, vol. 21, no. 3, pp. 92–94.
- [4] Antonovskiy A.Yu. Nauka kak obschestvennaya podsistema [Science as a social subsystem]. *Voprosy filosofii (Problems of Philosophy)*, 2017, no. 7, pp. 158–171.

-
- [5] Gumnitskiy G.N., Zelentsova M.G. Moral' i religiya [Morality and religion]. *Filosofiya i obshchestvo (Philosophy and Society)*, 2012, no. 1, pp. 55–73.
- [6] Varela F., Thompson E., Rosch E. *The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience*. Cambridge, MIT Press, 1991, 344 p.
- [7] von Glasersfeld E. The radical constructivist view of science. *Foundations of Science*, 2001, vol. 6, nos. 1–3, pp. 31–43.
- [8] von Foerster H. *Understanding Understanding: Essays on Cybernetics and Cognition*. New York; Berlin; London, Springer, 2007, 362 p.
- [9] Lektorskiy V.A. Poznanie, deystvie, realnost [Knowledge, action, reality]. *Voprosy filosofii (Problems of Philosophy)*, 2017, no. 9, pp. 5–23.
- [10] Boltsman L. *Statyi i rechi [Articles and Speeches]*. Moscow, Nauka Publ., 1970, 408 p.
- [11] Gubanov N.I. *Chuvstvennoe otrazhenie: analiz problem v svete sovremennoy nauki [Sensory reflection: an analysis of problems in the light of modern science]*. Moscow, Mysl Publ., 1986, 239 p.
- [12] Gubanov N.I. K probleme aktivnosti i sotsialnoy obuslovlennosti chuvstvennogo otrazheniya [On the problem of activity and social determination of sensory reflection]. *Voprosy filosofii (Problems of Philosophy)*, 1984, no. 2, pp. 60–69.
- [13] Harré R. Konstruktivizm i realizm [Constructivism and realism]. In: Lektorskiy V.A., ed. *Perspektivy realizma v sovremennoy filosofii [Perspectives of realism in contemporary philosophy]*. Moscow, Kanon+ Publ., 2017, pp. 136–147.
- [14] Aristotile. *De anima*. Oxford, Clarendon Press, 1957 [In Russ.: Aristotel'. O dushe. Perevod P.S. Popova. Moscow, Gosudarstvennoe sotsialno-ekonomicheskoe izdatelstvo (State social and economic Publ.), 1937, 196 p.].
- [15] Nikiforov A.L. Znanie [Knowledge]. *Epistemologiya i filosofiya nauki (Epistemology & Philosophy of Science)*, 2004, vol. 1, no. 1, pp. 132–135.
- [16] Gubanov N.I., Gubanov N.N. Sub"ektivnaya realnost i prostranstvo [Subjective reality and space]. *Voprosy filosofii (Problems of Philosophy)*, 2015, no. 3, pp. 45–54.
- [17] Porus V.N. Teoriya «skhodstva» protiv «lingvisticheskogo povorota», ili bluzhdanie v Khempton-Kortskom labirinte [The theory of “resemblance” versus the “linguistic turn,” or wandering in the Hampton Court maze]. *Epistemologiya i filosofiya nauki (Epistemology & Philosophy of Science)*, 2009, vol. 21, no. 3, pp. 77–80.
- [18] *Adekvatnyy. Sovremennyy slovar' inostrannykh slov [Adequate. A modern dictionary of foreign words]*. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1993, p. 21.
- [19] Yarkova E.N. *Istoriya i metodologiya nauki [History and Methodology of Science]*. Tyumen, Tyumen State University Press, 2007, 320 p.
- [20] Chudinov E.M. *Dialektika nauchnogo poznaniya i problema istiny [The dialectics of scientific knowledge and the problem of truth]*. Moscow, Znanie Publ., 1979, 64 p.

Suzdaleva T.R., Cand. Sc. (History), Associate Professor, Department of History, Bauman Moscow State Technical University. e-mail: syzdalev@list.ru

Gubanov N.N., Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University; Professor, Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation. e-mail: gubanovnn@mail.ru